

ДМИТРИЙ ХРИЛОВ

ЭДУАРД ЛИМОНОВ: «Я разговариваю с погибшей женой»

**МАРИЯ ДУБОВА,
Сэм КЛЕБАНОВ**

Вопреки слухам о завершении литературной карьеры и полном уходе в политику писатель **Эдуард Лимонов** на этой неделе выпускает в свет свою новую книгу «Торжество метафизики». Сразу вслед за литературной премьерой состоится премьера фильма «Русское», в основу которого легли ранние книги Лимонова «Подросток Савенко», «У нас была великая эпоха», «Молодой негодяй» и сборник стихов «Русское». Накануне двойной премьеры **Эдуард ЛИМОНОВ** ответил на вопросы «Новых Известий».

— Эдуард Вениаминович, вы уже не раз заявляли, что политика для вас сегодня — главное. Что же происходит с вашей литературной работой?
— «Торжество метафизики» — первая книга, которую я написал после выхода из тюрьмы. Эта книга основана на моем лагерном опыте и рассказывает о моем содержании в колонии. И в ней действительно рассказывается о торжестве метафизики. Поскольку, помимо мира реального, видимого, физического, там присутствует еще и «ЗА-физический», потусторонний мир. И он каким-то образом дает о себе знать. В книге есть элементы мистики. Такого я никогда доселе не

писал. Но всегда же интересно делать что-то, чего ты не делал раньше. Вот я и попытался.

— А почему вас вдруг заинтересовал мир мертвых?

— С мертвыми многие разговаривают, и в этом нет ничего необычного, странного, противоестественного. Я, например, говорю со своей погибшей женой, и это не является прямым следствием моего умопомешательства. Мы о многом с ней недоговорили. И я веду с ней какой-то определенный диалог, все время повторяя ей ту обиденную фразу, что говорил ей и при жизни: «Ты не понимаешь!». Мне и сейчас кажется, что чего-то она действительно, на мой взгляд, не поняла. Пытаюсь ей до сих пор объяснить. А иногда спохватываюсь и думаю: зачем же я это делаю, не надо, пора остановиться!

— На следующей неделе, помимо литературной премьеры, у вас кинопреьера. Это ведь первая экранизация ваших произведений. Как вы отнеслись к этой идее и как происходил контакт с режиссером фильма Александром Велединским? Ведь он снимал картину, когда вы еще сидели в тюрьме. Согласитесь, это достаточно необычная ситуация — идет работа над фильмом, необходим автор, а автор находится в местах не столь отдаленных...

— По-моему, это-то как раз и нормально! Автор и должен быть в тюрьме! А где ему еще быть? Есть куда более низменные места. Шучу. На самом деле, когда я в тюрьме узнал, что есть такое предложение: купить права на экранизацию моих книг, — я подумал: почему бы и нет?

«Я разговариваю с погибшей женой»

Неблизко известна 2005-25 апреля 1, 5.

Окончание. Начало на стр. 1

Тем более у меня и моей партии была и материальная заинтересованность. Мне мой адвокат в адвокатскую комнату принес сценарий. В этот день его долго не пускали ко мне, уж не помню, по какой причине. И у меня было всего 20 минут, чтобы бегло просмотреть сценарий. Мне показалось, что там все было на своих местах. Поэтому мы сказали «да» и подписали договор.

— А не больно видеть, как из произведения, в котором есть некоторая структура, некий стиль повествования, что-то вырезают? Какие-то персонажи исчезают, какие-то добавляются?

— То, что из пяти персонажей выходит один, — нормально. Я, как говорят в тюрьме, «рабую за любой кипеж, за любую авантюру, кроме голодовки». И еще я отношу себя к категории неглупых писателей. Поэтому я ничего от фильма не ожидал, поскольку понимал: это — другое искусство. Кино — это все же не литература. Есть «нечто», которое создается заново. Я по этому поводу вспоминаю Хемингуэя, который однажды, выйдя после просмотра фильма «Фиеста», ядовито заметил: «Они думают, что достаточно взять толпу мексиканцев и стадо коров, и это будет коррида!». Я, в отличие от Хемингуэя, не увидел в «Русском» ни «толпы мексиканцев», ни «стада коров»: все вполне правдоподобно и цельно. И мне кажется, Александр Велединский — самостоятельный художник, он создал то, что ему хотелось создать.

— А у вас не было желания самому

заняться кино? Как бы вы могли тогда экранизировать собственную жизнь?

— Мне кажется, у меня все было бы гораздо жестче. В моих книгах много жестокости, много «грязного реализма». Есть такое направление в прозе. Меня к нему и относил как писателя. Никогда не хотел быть режиссером и никогда даже не хотел писать сценариев. Не хочу и сегодня! И меня всегда удивляли писатели, которые с удовольствием и наслаждением передают драматургии: пишу сценарии по собственным произведениям. Но я не из их числа. Мне кажется, это — абсолютно мазохистское занятие.

Скажу больше: меня фильм впечатляет определенным образом, хотя мне и тяжело его объективно оценивать — по поводу этого периода жизни (а я описал свою юность) я все же сентиментален. И, конечно, то, что показал Велединский, очень похоже на то, что я испытывал в молодости. Но сегодня, после всех моих жизненных перипетий, переживания того периода, естественно, вызывают у меня улыбку. Когда я писал эти романы — а было это в начале 80-х, — думал, что создаю нечто вроде «моих университетов». Мне хотелось показать становление молодого парня, выходца с рабочей окраины. И думаю, что мне это удалось. Больше всего к моим романам той поры подходит определение «поэт и хулиган». Хотя с точностью сказать о герое Эдди — хулиган он или нет, нельзя: он и воруется, и хулиганит. Но «тянет» ли он только на 213-ю статью — «хулиганство», или там еще и 158-я, и 162-я... Классификацию юридическую оставим специалистам. И мне кажется, что трило-

гия эта удалась. Она вышла сначала, как ни странно, на французском языке. И «Подросток Савенко» имел очень большой читательский резонанс и во многих странах был издан, и у него была очень хорошая критика. Ведь в те годы СССР за границей представляли как такую монотонную, не очень интересную страну. И в критических статьях на мою трилогию чувствовалось большое удивление. Что, мол, смотрите: у Лимонова-то какой Советский Союз! Сколько любопытных типажей, странных людей. Как все необычно! Страна-то интересная! Да, действительно, любопытного у меня было много. Поэтому и персонажей так много — больше полусотни. И это все реальные «герои» рабочего предместья. Один мечтал выиграть на скачках, у него была своя система. Он на это всю свою жизнь положил — полный безумец! Другой — парень по кличке Голливуд, который говорил цитатами из голливудских фильмов. И так далее и тому подобное. Спустил много лет я увидел всю эту публику в тюрьме. И она (публика эта) совершенно не изменилась! И, конечно, тогда иностранцы были удивлены, что все это у нас есть. И секс у нас в стране был, хоть мы и не хотели в это верить!

— В ваших книгах есть один запоминающийся момент, который повторяется несколько раз, — момент некоего штурма, когда «бушует народная стихия». Это «бунт бессмысленный и беспощадный», о котором еще Пушкин писал, или вы описали реальные события?

— Это — мое предвидение того, как толпа идет защищать пенсионеров, протестующих против отмены льгот! Вот так, как

описано у меня, и надо на самом деле бунтовать!

— В своих произведениях вы затронули еще одну «больную» тему советской эпохи — «поэт и психушка». Вы все время писали о том, что нестандартный человек, человек, мыслящий по-другому, непременно ходит где-то рядом с психбольницей?

— Ну, это не только в моих произведениях. Эта тема вечная и общечеловеческая. «Заводной апельсин», «Полет над гнездом кукушки»... Там эта тема тоже есть. Очень многие люди, например, из литературного мира, мира рок-н-ролла, прошли через психушку. Там их и истязали, и электрошоком «лечили». Это часть становления молодого человека. Герой любого времени проходит через ряд испытаний, прежде чем стать мужчиной, «воином» в полном смысле этого слова. Когда он преодолевает эти инициации, он будет иметь право и жениться, и быть «воином». Человек, по сакральной общечеловеческой идее, должен быть пропущен через серию испытаний — любой человек, на мой взгляд.

— Считаете, что ваш сакральный путь уже пройден?

— Можно, наверное, и так сказать... Обо мне можно сказать: «Тюрьма меня догнала», — как о некоторых людях говорят: «Воина его догнала» (то есть человек умер от ран, полученных на фронте). Потому что в принципе я должен был бы попасть в тюрьму еще лет в 17, а попал черт знает когда! Но все равно ведь попал! Это и есть «мой путь». В этом, как мне кажется, и есть еще одно предназначение человека — пройти «свой путь».

Эдуард ЛИМОНОВ (настоящая фамилия — Савенко) родился 22 февраля 1943 года в Дзержинске Горьковской области в семье комиссара НКВД. В 1958 году начал писать стихи. В 1967-м переехал в Москву, где сошелся с литературным андеграундом. Выпустил пять самиздатовских сборников стихов. В 1974 году эмигрировал в Нью-Йорк, где работал корректором в газете «Новое русское слово», с 1979 года — профессиональный писатель. В 1976 году опубликовал свой первый скандальный роман «Это я — Эдичка». Затем сборник стихов «Русское» (1979), «История его слуги», «Дневник неудачника» (1982), «Подросток Савенко» (1983), «Молодой негодяй» (1986) и др. В начале 80-х перебрался во Францию. С 1992 года постоянно живет в России. В 93-м основал Национал-большевистский фронт (НБФ), который позднее был переименован в Национал-большевистскую партию (НБП). В 1993 и 1995 гг. неудачно баллотировался в Госдуму РФ. В ноябре 1994 года основал газету «Лимонка». В июле 2002 года газета была закрыта. В апреле 2001 года был задержан, а в апреле 2003 года осужден на 4 года за незаконное приобретение и хранение оружия. В июне 2003 года условно-досрочно вышел на свободу. За время пребывания в тюрьме написал и издал несколько книг.